

Список использованной литературы

Честертон Г.К. Жив-человек // Books Sharing: [электронная библиотека]. URL: http://www.books.sh/blib_106722.html BOOKS SHaring (дата обращения 03.09.2009).

Элизбарян Д.А. Особенности итальянских и армянских масок в трудах А.К.Дживелегова и Г.Гояна. Ер., Лингва, 2009.

Липнягова С.Г. Концепт «театр» в английском романе XX века // Научная библиотека Института естественных и гуманитарных наук (КрасГУ): [сайт]. – Красноярск, [2006]. – URL: http://library.krasu.ru/ft/_articles/0112792.pdf (дата обращения: 07.10.09)

Duchartre P.L. The Italian Comedy. The United States of America: Dover Publications, 1966.

Sand M. The History of the Harlequinade, Volume 1. London, 1915 // Internet Archive. URL: http://www.archive.org/stream/historyofharlequ01sanduoft/historyofharlequ01sanduoft_djvu.txt (дата обращения: 02.01.2010).

Маркин А. В.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗГОВОР

К счастью, разговоры о литературе пока еще ведутся не только в учебных аудиториях и не всегда оформляются как лекция, практическое занятие, экзамен, защита курсовой или диссертации, как доклад или научная дискуссия. Именно такие разговоры являются темой следующих соображений. Называя их литературными, следует иметь в виду, что литературные темы, занимая в них важное место, обсуждаются наряду с любыми другими. Участниками литературного разговора могут быть профессионалы-филологи, полупрофессионалы и непрофессионалы. Они могут быть так или иначе причастны к литературе (в качестве поэтов, критиков, издателей) или непричастны к ней. И профессиональный филолог, и человек, причастный к литературе, в литературном разговоре принимает участие не как эксперт, а как нормальный любитель литературы. Участники обмениваются информацией о текстах, значимых в эстетическом, этическом или ином плане, об их создателях и об их контекстах. Обсуждают героев литературных произведений, анализируют логику их поступков, отмечают изящные выражения, красоты слога, удачные или неудачные выражения мыслей и чувств, а также и сами эти мысли и чувства. В литературном разговоре возможна не только апелляция к обсуждаемому тексту, но и его прямое воспроизведение. Литературный разговор легко переходит в хоровое чтение стихов или пение.

С лингвистической точки зрения литературный разговор едва ли отличается от любого другого, однако у него есть специфические черты, которые могут сделать его особым объектом анализа. Литературный разговор – это текст о тексте,

то есть он в высокой степени интертекстуален, включает явные и скрытые отсылки и цитаты. Он основан на эстетических суждениях – на суждениях вкуса. Суждения вкуса в таком разговоре отождествляются с суждениями здравого смысла. «Послушай, как хорошо», – говорит один участник другому. Предполагается, что всякий здравомыслящий человек согласится с тем, что это действительно хорошо. Литературный разговор может включать в себя художественные тексты целиком, так что участники могут непосредственно испытать в ходе разговора эстетическое удовольствие. Но дело не только в этом.

Представляется существенным, что литературный разговор – это разговор не на злобу дня, даже если он касается актуальных литературных новинок. Тема его не имеет прямого и непосредственного отношения к жизни участников. Он приподнят над бытом, пользой и практическим интересом. Это не то же самое, что разговор о дурных поступках NN, от которых кто-то из участников разговора мог пострадать. Люди, обсуждающие в своем кругу политические вопросы, потом могут проголосовать за другого кандидата. В результате литературного разговора кто-то из участников может изменить оценку произведения, но в самом произведении не изменится ни одна буква. Участник литературного разговора занимает позицию вневременности по отношению к предмету разговора и по отношению к самому разговору. Поэтому литературный разговор обладает сильным эстетическим потенциалом, он может быть пережит эстетически. Разговор компетентных участников подобен джазовой импровизации. Таким блестящим импровизатором и собеседником был профессор Валерий Маркович Паверман.

Следует подчеркнуть, что эстетическое впечатление вовсе не есть впечатление внешнего блеска. В его основе лежит интуиция целостности. Хороший литературный разговор, отстраненный от предмета, вбирает в себя человека целиком. Он в этом смысле синкретичен. В этой связи стоит вспомнить стихотворение А. С. Кушнера «Разговор в прихожей».

*Не наговорились. В прихожей, рукой
с четвертой попытки в рукав попадая,
о Данте, ни больше не меньше, с такой
надсадой и страстью заспорить:*

*– Ни рая,
ни ада его не люблю.*

*– Подожди,
как можно... –*

*(И столько же тщетных попыток
открыть без хозяина дверь, позади
торчащего.)*

*– Вся эта камера пыток
не может нам искренне нравиться.*

*– Он
подобен всевышнему.*

– Что же так скучен?

– Ну, знаешь...–

*И с новым запалом вдогон
трясущему дверь:
– Если ты равнодушен,
то это не значит еще... И потом,
он гений и мученик.
– В чем переводе
читал ты его? Где мой зонт?
– Не о том
речь, в чем переводе. Подобен породе
гранитной, с вкраплениями кварца, слюды.
И магма метафор, и шахта сюжета.
Вот зонт. Кстати, в моде складные зонты.
– Твой мрамор и шпат – из другого поэта,
не Данте нашедшего в них, а себя,
черты своего становленья и склада.
По-моему, век наш, направо губя
людей и налево, от Дантова ада
наш взор отвратил: зарывали и жгли
и мыслимых мук превзошли варианты...–
Опомнись. Мы что, подобрать не могли
Просторнее места для спора о Данте?*

В стихотворении воспроизведена ситуация, легко опознаваемая любым литературно ориентированным человеком. И ситуация, и разговор обладают социальной и исторической конкретностью. Замечательно точно подобраны бытовые и психологические детали. Именно в таких квартирах с тесными прихожими мы и живем, именно так и говорим о литературе, перебивая друг друга, перескакивая с темы на тему, приводя аргументы *ad hominem*: вот зонт, кстати в моде складные зонты. У тебя и зонт немодный, и говоришь ты ерунду. Но к реализму все не сводится.

Название содержит отсылку к «Разговору о Данте». В названии эссе Мандельштама есть внутренняя динамика, восходящая энергия. Разговор – всего лишь разговор, но о Данте. Название стихотворения звучит нейтрально, его ироничность раскрывается именно через отсылку к Мандельштаму. Это разговор – о Данте! – в прихожей. То есть, Данте спущен в быт и повседневность и поверяется бытом. Но и быт оказывается не просто бытом. В него вплетены Данте и Мандельштам («другой поэт»), не названный в стихотворении по имени (твой мрамор и шпат – из другого поэта...), в него вплетена история и метафизика.

Кто знает поэзию Кушнера, тот легко опознает в этом стихотворении две важнейшие темы: присутствие истории и неприсутствие бога в конкретном; необходимость и невозможность построения конкретной целостности вне абсолюта. Пожалуй, это действительно не вмещается в прихожую, то есть это разговор на пороге. Как синкретично стихотворение, так синкретичен и литературный разговор, в нем воспроизведенный.

Идеальный литературный разговор – это синкретическая деятельность, предлагающая одновременное ориентирование в ценностях жизни и искусства. Поэтому

литературный разговор противоположен литературоведческому научному дискурсу. Научный дискурс аналитичен. Он предполагает возможность достижения истинного знания и требует компетентности участников, последовательности и полноты аргументации. Литературный разговор может состояться и в том случае, если эти условия не исполняются. Более того, если два человека досконально знают предмет, потребность в разговорах между ними тяготеет к нулю.

Литературный разговор не направлен на исчерпание темы. Он должен длиться. Участники скорее стремятся к продолжению, чем завершению. Литературный разговор обеспечивает психологический комфорт от пребывания в обществе людей, разделяющих общие ценности. Участник проникнут чувством собственной значимости – даже если выступает всего лишь как слушатель, которого просвещают более искушенные собеседники.

Не сомневаюсь, что практика литературного разговора очень востребована, хотя эту востребованность трудно формализовать. Человеку свойственно размышлять о прочитанных книгах и результатами размышлений делиться с заинтересованными собеседниками об этом свидетельствует Интернет. Люди в блогах много общаются на литературные темы, часто беспомощно, но иногда и очень интересно. Научной ценности такое общение не имеет, но имеет ценность социальную и эмоциональную.

В этой связи проблемой представляется разрыв между практикой университетского изучения/преподавания литературы и характером литературных разговоров. Филология, существующая за пределами университетской аудитории, – это другая филология. Когда люди говоря о литературе, они говорят о самых разных вещах – о себе, о друзьях, о жизни и о языке. Но очень редко о том, что составляет содержание лекций, практических занятий, вузовских и школьных программ по литературе. И практически никогда не говорим так, как говорим в аудитории. Прежде всего это относится к самим филологам.

Филологи, говорящие о литературе не на службе, говорят о ней иначе. Их разговор утрачивает свой «профессионалистский» характер, выигрывая в обаянии. Многие словесные формулы и кажущиеся важными идеи существуют только в аудитории, никогда не покидают ее стен и не воспроизводятся в литературных разговорах. Иные формулировки, нормально звучащие в лекции, в устной беседе непредставимы. Неаудиторный разговор специалистов может быть более содержательным и искусным, чем разговор неспециалистов, но он остается все-таки именно разговором. В нем используется язык метафор, который был бы забракован в курсовой работе.

Впрочем, и в аудитории установка, названная выше «профессионалистской», преодолевается благодаря своего рода контрабанде, невозможной, к примеру, в честной лингвистике. Литературоведческий профессиональный разговор не вполне профессионален, он апеллирует к ценностям, а ученому его объект должен быть эстетически безразличен. Букашка для него не менее привлекательна, чем тигр. В. Туманский может быть интереснее, чем А. Пушкин. Литературовед же под видом лекции или практического часто ведет литературный разговор, и как раз это часто оказывается самым привлекательным для аудитории. Тем не менее «профессионалистская» установка существует и создает разрыв между целями, достигаемыми

аудиторией посредством образования, и целями, которые ставятся филологическим сообществом. Среди студентов филологических факультетов доля тех, кто намерен посвятить жизнь литературоведению как науке, чрезвычайно мала. Но значительная часть студентов – это люди, которые любят литературу и хотят о ней думать и говорить. Почти ни для кого из них это не станет профессией. Но университет и не должен давать профессию: он создает условия для образования личности. Личность образуется, образуя свои мысли и слова. Желательно, чтобы навыки именно такой литературной деятельности – востребованной, как сказано, социально и психологически – приобретались в аудитории, а не только в частном общении. Как этого добиться – это, видимо, и есть самая главная проблема.

У литературного разговора есть что-то общее с жанром эссе. Он основывается на таком же несистемном и отчасти безответственном мышлении. В практике преподавания довольно широко используется эссе как вид творческого задания. Однако по отношению к поставленной цели задания типа эссе могут иметь лишь вспомогательное значение. Реальный разговор о литературе не принимает форму обмена эссе. Он преимущественно происходит в устной форме. Наиболее приспособленная для литературного разговора форма, предусмотренная планами и программами – это практическое занятие.

Стандартная форма практического занятия определена идеологией высшего филологического образования. Оно ориентировано на научность, то есть предполагает овладение приемами современной научной работы и знакомство с основными результатами научных поисков в различных направлениях и дисциплинах литературоведения. Реальное достижение этих целей в современном филологическом образовании мне представляется невозможным по ряду причин. Научная работа подменяется ее имитацией. В основном логика практического занятия состоит в том, чтобы навести студентов на нужную мысль. Преподаватель формулирует задания и вопросы так, чтобы ее подсказать студенту. Разумеется, студент может найти нужное в лекции, в учебнике, в научной литературе. И вот готовая, кем-то когда-то высказанная и обычно порядком обветшавшая мысль выступает в роли научной истины. Когда эта мысль будет высказана, вопрос будет исчерпан. Но преподаватель совсем не заинтересован в том, чтобы нужная ему мысль была высказана сразу, потому что тогда занятие не состоится, нечего будет обсуждать. Неправильный ответ предусмотрен. Такая ситуация представляется чрезвычайно искусственной. Сделать работу на практическом занятии более осмысленной можно, приблизив ее к модели литературного разговора. Кое-что из условий, необходимых для реорганизации занятия в этом направлении, практически осуществимо. Можно приблизить практическое занятие к литературному разговору, изменяя систему заданий и формулировки вопросов, делая их менее разветвленными и менее академичными. Можно отказаться от системы вопросов вообще, заменяя их обсуждением тезисов, подготовленных одним и или несколькими студентами. Вовлечение нелитературного материала в систему аргументации можно не пресекать, а приветствовать. Можно, наконец, сократить список литературы для обязательного чтения, предоставляя возможность потратить больше времени на обдумывание прочитанного.

Сложность в том, что вести разговор о литературе и учить вести разговор о литературе – это две разные операции, требующие различной настройки речевого аппарата. Тут предполагается переход от языка к метаязыку. В позиции участника должны сочетаться вовлеченность и отстраненность. Участник должен высказываться, говорить о том, что для него действительно важно. И одновременно его речь должна быть отрефлектирована как речь, обернута на себя. Она должна анализироваться не только в своем содержательном и логических аспектах, но как речь конкретного человека в конкретной ситуации. То есть не только «что сказано», но и «как», «почему» и «для чего». Что сказано на самом деле, когда сказано что-то. Такая рефлексия – это, в общем-то, тяжелый труд. Она предполагает повышение ответственности за сказанное слово, понимание того, что в нем, так или иначе, сказывается весь человек. В качестве методического приема может быть использована видеосъемка занятия с последующим ее обсуждением материалов видеозаписи.

Впрочем, есть по крайней мере два условия, делающих приближение практического занятия к литературному разговору почти невозможным. В любом разговоре редко принимает участие более пяти человек. Ясно, что нормы по составу академических групп никогда не будут пересмотрены в сторону уменьшения. Никогда мы не избавимся от студентов, которым в вузе совершенно нечего делать. Но и нормальному преподавателю тоже не хочется переучиваться, когда имеются разработанные курсы лекций, учебники и практикумы.

Список использованной литературы

Кушнер А.С. Стихотворения. Л.: Художественная литература, 1986. С. 23–24.

Мухина Н. М.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ ПЕТЕРБУРГ – СТОКГОЛЬМ В РОМАНАХ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. ДОСТОЕВСКОГО И «ДОКТОР ГЛАС» Я. СЁДЕРБЕРГА

Доминанты шведской и русской национальных картин мира можно контрастно охарактеризовать, используя противопоставление *lagom* – *övermåttan*¹. В книге «Золотая середина. Как живут современные шведы» журналист и социолог Ада Баскина, характеризуя принцип *lagom*, пишет: «*Lagom* – это символ шведской жизни. Его можно заметить не только в поведении, но и в одежде, в дизайне, в архитектуре. Умеренность, сдержанность, экономность – ничего лишнего. Любой автор, пишущий о Швеции, обязательно помянет эту важную особенность поведения» [1].

Что касается русской «чрезмерности» (обозначенной выше как *övermåttan*) и «гиперэмоциональности», то именно творчество Достоевского, как известно, образует этико-философскую базу «русского экстрима» в литературе. А. О. Львовский

¹ В пер. со швед. «*lagom*» – «в меру, достаточно»; «*övermåttan*» – «сверх всякой меры, чрезмерно».